

А. И. Буковецкий

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ВОЙНЫ В ДОВОЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Русская дореволюционная экономическая литература была относительно богата работами, посвященными вопросам финансирования войны. Русские работы по этому вопросу отличались большой содержательностью и были вполне на уровне тогдашних общих экономических знаний буржуазных капиталистических стран.

Самой первой по времени работой, посвященной вопросам финансирования войны в русской дореволюционной литературе, была книга И. И. Кауфмана «Кредитные билеты, их упадок и восстановление» (СПб., 1888). Специально финансовой подготовке к войне и покрытию расходов войны посвящен в ней отдел о чрезвычайных финансах и бумажных деньгах. И. И. Кауфман дал обзор истории неразменных банкнот XIX в. в Англии, Италии, Пруссии, Соединенных Штатах С. Америки, Франции, а также краткую историю выпуска неразменных кредитных билетов в России во время Крымской войны и войны 1877—1878 гг. Целью этого исторического обзора было показать, как правительства разных стран пользовались неразменными банкнотами как финансовым ресурсом во время войны. Кауфман выяснил, какую большую роль в финансировании Крымской войны сыграла Канкринская денежная реформа. Он доказывает, что «быть в финансовом отношении готовым к войне» — это, прежде всего, иметь нормальное денежное обращение. Приведенное в порядок денежное обращение есть одна из первейших задач в финансовой подготовке страны к войне (Кауфман, 1888, с. 257—262).

«Раз существует, хотя бы одна вероятность, что для войны может представиться надобность в бумажно-денежном ресурсе, его необходимо держать наготове *свободным, не расстроенным* для всякой войны. Разве не после всякой войны не приходится восстанавливать ряды войска, его вооружение и всякие иные приспособления к могущей открыться новой кампании. Совершенно такое же значение должно иметь восстановление металлического денежного обращения. Всякий понимает, что изувеченные солдаты, попорченные пушки и ружья, истрепавшиеся палатки, повозки и ослабевшие кони, хорошо служившие в одну войну, в другую войну способны оказать лишь плохие услуги. Но то же вполне применяется и к денежному обращению» (Кауфман, 1888, с. 363).

Стоя на этой точке зрения, Кауфман считает возможным три случая состояния подготовленности финансов к обстоятельствам военного времени. Он называет блестящей финансовую готовность к войне, если правительство только чрезвычайными налогами и нормальными займами, долгосрочными и краткосрочными, в состоянии добыть все средства, нужные для военных расходов. Хорошей финансовой подготовкой к войне он считает такое положение, когда правительство воюющей страны должно прибегнуть к выпуску неразменных бумажных денег, «но таковые могут быть выпущены в разной цене со звонкой мо-

нетой и на скромную сумму» (Кауфман, 1888, с. 262). Конечно, плохое состояние финансовой готовности к войне будет, по мнению Кауфмана, «если война застанет страну в такое время, когда в ней обращаются обесцененные бумажные деньги» (Кауфман, 1888, с. 262), и тем хуже, чем сильнее обесценение бумажных денег. Наряду с этим основным мероприятием, по мнению Кауфмана, также важно для подготовки к войне иметь свободные налоговые резервы, которые могут быть мобилизованы во время войны. Для России 1880-х гг. такой податной запас Кауфман предлагал иметь в размере 50—70 миллионов. Этот налоговый запас должен был облегчить проведение внутренних и внешних военных займов, выпускаемых для покрытия расходов войны. По его мнению, внешние и внутренние займы для покрытия расходов войны приходится заключать после войны, когда миром закончена война.

Для европейских стран 1880-х гг., кроме Англии, Кауфман не видел другого ресурса для покрытия расходов войны, кроме государственных внутренних и внешних займов. Неразменные банкноты служат для покрытия расходов в течение первых периодов войны, а затем их приток на денежный рынок создает благоприятную конъюнктуру для заключения внутренних займов.

Особый интерес у Кауфмана был по отношению к французскому опыту финансирования расходов войны 1870—1871 гг. Он подробно и тщательно его изучил. Он показал, как в начале войны во Франции полагали возможным провести всю войну только при помощи внутренних займов. Он показал, как военные неудачи и перенос театра войны на территорию Франции лишили французское правительство не только возможности опереться на внутренние займы, но и почти фактически уничтожили кредит Франции и что в этих условиях в распоряжении французского правительства Национальной обороны остался только один ресурс в виде выпуска неразменных банкнот. Турская делегация во главе с Л.-М. Гамбеттой широко использовала этот единственный имевшийся у нее финансовый ресурс. Французский банк выдал правительству 1425 млн франков, что по тогдашним временам составляло грандиозную сумму. «Взамен выданных казне сумм Банк получал краткосрочные (трехмесячные) обязательства казначейства» (Кауфман, 1888, с. 287). Кауфман обратил внимание и на то обстоятельство, что во Франции французскому банку пришлось придти на помощь сберегательным кассам, а также Кауфман обратил внимание на французскую практику выпуска во время войны мелкой разменной монеты в форме билетов в 2 и 3 франка особым синдикатом парижских банков для смягчения разменного кризиса, вызванного увеличением потребности в мелкой разменной монете и тезаврацией серебряной разменной монеты.

Кауфман подробно излагает финансовые мероприятия французского правительства периода 1870—1879 гг. для восстановления размена банкнот французского банка. Он в той же главе еще раз подчеркивает, что выпущенные неразменные банкноты увеличивают внутреннюю кредитоспособность государства, так как выпущенные неразменные банкноты создают изобилие денежных средств, которые легко могут быть превращены в государственные займы.

Он не находит достаточно хвалебных эпитетов, чтобы в должной мере оценить французскую практику 1870—1879 гг. «Пример Франции представляет выдающийся интерес, будучи пока единственным примером безукоризненно разумного, вполне рационального и совершенно безвредного пользования неразменными денежными знаками как финансовым ресурсом» (Кауфман, 1888, с. 291—292).

Было бы совершенно напрасным трудом искать в работе Кауфмана какого-либо классового анализа финансовых мероприятий, проектируемых им для финансирования войны. Он и все последующие русские писатели по этим вопро-

сам в довоенной России стояли на почве буржуазных взглядов. Но при этом все же следует отметить, что Кауфман принадлежал к тем немногим буржуазным специалистам, которые все же считали, что инфляция всегда является налогом на труд и что война, финансируемая за счет обесцененной валюты, происходит за счет труда (Кауфман, 1888, с. 355).

Во взглядах И. И. Кауфмана не было большой оригинальности. Он перенес в русскую литературу ранее его сформулированные взгляды Поля Леруа-Болье, Адольфа Вагнера и Карла Дитцеля. Наш интерес к его работе вызван тем обстоятельством, что И. И. Кауфман был одним из главных сотрудников Витте по проведению денежной реформы 1897 г. и что он в значительной доле внушил правительству мысль о необходимости проведения денежной реформы как одного из основных мероприятий для финансовой подготовки к будущей европейской войне. Также имеет большое значение и то обстоятельство, что И. И. Кауфман был авторитетнейшим советником Министерства финансов в момент объявления войны 1914 г. и что вся практика выпуска неразменных банкнот была точно русским министерством финансов скопирована с практики французского правительства 1870—1871 гг. П. Л. Барк и И. П. Шипов пытались в 1914 г. производить то, что рекомендовал И. И. Кауфман еще в 1888 г. на случай большой европейской войны.

Прошло десять лет после появления работы И. И. Кауфмана. Царское правительство успело провести основное мероприятие по финансовой подготовке к войне. Ему удалось восстановить размен. Авторы, писавшие после Кауфмана, уже исходили из того положения, что в России имеется твердая валюта. Поэтому в проблеме военных финансов стали большое внимание обращать не на вопросы подготовки финансов к войне, а на вопросы детального изучения источников для покрытия будущих расходов войны. Почти одновременно появляются две работы, посвященные этим вопросам. Появляются работа И. А. Блюха (шеститомная) «Будущая война», в которой в IV томе имеется большая глава «Расходы на будущую войну и средства для их покрытия», и работа полковника А. А. Гулевича «Война и народное хозяйство» (Блюх, 1898; Гулевич, 1898).

Работа И. С. Блюха при своем появлении вызвала много критических замечаний. Критики не сумели отдать должное этой работе. Блюх был типичный собиратель фактов, часто совершенно не умевший их как либо обобщить. Основной посылкой Блюха во всех его построениях экономики будущей войны и возможности для России выдержать бурю будущей мировой войны было предположение о большой устойчивости натурального хозяйства и полунатурального хозяйства во время военных потрясений, по сравнению с хозяйствами капиталистического типа. Приведя громадное количество данных по программе военной техники, блестяще доказав полное видоизменение техники военного дела со времени Франко-прусской войны, Блюх не мог по-настоящему оценить роль промышленности и развития производительных сил в будущей мировой войне.

Блюх был одним из немногих буржуазных авторов, для которых было ясно, что европейская война легко может *привести к социальной революции* (Блюх, 1898, с. 304—308). Он предполагал, что экономическая слабость развития России, ее отсталость в хозяйственном отношении даст ей возможность легче перенести бедствия большой европейской войны, чем европейским странам, где уже нет остатков натурального хозяйства. Блюха упрекали за эту реакционность его взглядов. Конечно, в этом отношении его критики были совершенно правы, но в отношении постановки отдельных проблем экономики будущей всеобщей европейской войны у Блюха было много правильных построений.

Особенно это следует сказать о его предположении о покрытии расходов будущей европейской войны. Первая мировая империалистическая война доказала, что во многом предположения И. С. Блюха были более правильными, чем указания его критиков. Первое и самое основное предположение Блюха оправдалось полностью, что расходы на ведение войны во много раз превысят расходы по содержанию и вооружению армии в мирное время. Вопреки и мнению ряда военных специалистов того времени, Блюх предсказывал длительный характер войны. Он исходил из возможности продолжения войны в течение нескольких лет. «Столкновение миллионных армий, при страшной силе современного оружия, сделается борьбой за существование, если не целых армий, то династий среднеевропейских владетелей, поэтому нельзя надеяться на скорость окончания войны» (Блюх, 1898, с. 375).

Блюх предполагал, что русская действующая армия в будущей войне будет равна 2 800 000 человек. Опираясь на данные войны 1877—1878 гг., он определял стоимость расхода на одного бойца в действующей армии в 2,5 золотых рубля того времени, т. е. около 10 довоенных франков. Отсюда получался у Блюха предполагаемый ежедневный расход на войну в 28 млн франков, или 7 млн руб. При стоимости содержания армии в 7 млн в день содержание армии выросло для царской России до размера 2500 млн руб. в год, т. е. почти в полтора раза больше тогдашнего годового бюджета государства — в сумме, непомерной для тогдашних финансов России. Считая, что за время войны неминуемо произойдет рост цен, эти цифры ежедневной стоимости войны Блюх считал необходимым в значительной мере увеличить.

И. С. Блюх остановился с большим вниманием на очень значительных будущих расходах по поддержанию семейств мобилизованных (пайковые деньги). На руках государственного бюджета остается продолжение выполнения обычных расходов по армии и флоту, и эти расходы следует прибавить к военным расходам государства. Блюх пишет: «Расходы на ведение войны будут так огромны и потребуются безотлагательно, что ни в коем случае не могут быть покрываемы новыми налогами или возвышением существующих: налоги могут дать суммы далеко не столь значительные и раскладка их потребует слишком много времени. Поэтому новые налоги будут служить только для покрытия процентов по займам и других постоянных расходов государства, падающих на государственное казначейство, как следствие войны. На ведение же войны потребуются чрезвычайные ресурсы» (Блюх, 1898, с. 367).

Прав Блюх и в другом, указывая, что для финансирования войны следует рассчитывать только на свободное накопление последнего времени. Блюх говорит также: «Допуская небывалое еще напряжение финансовых сил, какого потребует будущая война, не следует думать, что отсутствие больших денежных средств, слабость кредита или хотя бы даже временное расстройство финансов совершенно лишили бы государство возможности вести войну» (Блюх, 1898, с. 369).

Блюх считает, что во время предстоящей мировой войны внешние займы будут очень трудны. Внутренние займы возможны только в богатых странах. Поэтому он приходит к выводу, что только выпуск бумажных денег является единственным источником для покрытия расходов войны. Выпуск бумажных денег неминуем также вследствие кризиса кредита, разменного кризиса из-за исчезновения золотой монеты и серебряной разменной монеты во время войны. На основании опыта Франко-прусской войны 1870—1871 гг. Блюх считал разменный кризис совершенно обязательным спутником большой европейской будущей войны. Все это вместе взятое приводит Блюха к выводу, что «не может подлежать сомнению, что в будущей войне придется выпускать бумажные деньги в огромном количестве без всякой разумной надежды на возвращение

к прежнему блестящему положению» (Блиох, 1898, с. 372). Как банкир Блиох дал совершенно правильный прогноз движения цен фондовых бумаг. Он считал, что в начале войны произойдет обязательное падение всех фондов. Особенно большое падение будет ценных государственных бумаг, котирующихся на иностранных биржах. После же неограниченных выпусков бумажных денег акции и облигации промышленных предприятий будут подниматься в своей цене (Блиох, 1898, с. 377).

Почти одновременно с исследованием Блиоха появилась и другая работа по экономике войны — А. А. Гулевич «Война и народное хозяйство». Это также тщательно продуманная работа. В ней в основу принято то же положение, что и в работе Блиоха: «Россия выдержит мировую войну легче, чем ее возможные противники, потому что она является менее развитой в экономическом отношении; остатки натурального хозяйства помогут России перенести легче тяжести войны, и поэтому ее положение в мировой войне выгоднее». Однако принятие этого ошибочного тезиса за главное основание своей работы не помешало Гулевичу, в ряде случаев, иметь совершенно правильную оценку отдельных частных вопросов. Он определил высоту ежедневных расходов мобилизованной русской армии в будущей войне в 8,5 млн руб. Для войны в течение шести месяцев он определил расходы России в 1 500 000 руб. Для покрытия военных расходов, по его мнению, имеются следующие источники: «1) контрибуция и реквизиция; 2) увеличение податей и сборов; 3) заключение внешних займов; 4) заключение внутренних займов; 5) временный выпуск денежных знаков с принудительным курсом, т. е. бумажных денег без достаточного их обеспечения металлическим фондом; 6) расходования золота, принадлежащего государственному казначейству, накопленного в видах: а) поддержания бумажного размена (разменный фонд) или б) образования фонда специально для потребностей военного времени (военный фонд)» (Гулевич, 1898, с. 73).

Относительно контрибуции и реквизиции он определенно указывает, что они могут иметь в будущей войне только ничтожное значение. Увеличение налогов не может дать значительных ресурсов. Деградация хозяйственной жизни, которая имеется при всякой большой войне, явится существенным препятствием для получения доходов от новых или повышенных ставок налога.

Гулевич присоединяется к тем, кто считает, что главным методом финансирования войны в будущей большой европейской войне должно считать доходы от государственных займов. Остановившись на условиях предполагаемой войны России с Германией и Австрией и анализируя общую обстановку большой европейской войны, Гулевич приходит к выводу, что внешние займы в такой общей европейской войне будут крайне затруднительны и что нельзя рассчитывать на них как на источник покрытия военных расходов. В отношении внутренних займов Гулевич полагает, что в начале войны ими нельзя будет воспользоваться вследствие большого спроса на наличные деньги в первые месяцы войны со всех сторон и что к внутренним займам можно прибегнуть по окончании мобилизации, чтобы собрать в руки государства огромные капиталы, выброшенные на рынок, в связи с произведенной мобилизацией армии, но осуществление внутренних займов требует времени. Гулевич был сторонником образования в России особого металлического фонда для покрытия расходов мобилизации. Он считал, что России необходим металлический мобилизационный фонд, по размерам в два раза превосходящий фонд Германии. Он считал абсолютно недопустимым обращение на нужды войны имеющегося разменного фонда кредитных билетов. В силу этого соображения Гулевич самым решительным образом настаивает на образовании специального неприкосновенного металлического фонда для покрытия расходов военного времени, предполагая,

что производство первых расходов военного времени золотом будет иметь большое экономическое значение.

В результате всех этих рассуждений Гулевич приходит к выводу, что обстоятельства военного времени могут заставить финансовое управление прибегнуть к «наиболее простому и легкому способу приобретения денежных знаков — к выпуску в потребном количестве бумажных денег, без обеспечения их достаточным металлическим фондом. Возможность быстрого и неограниченного получения необходимых средств для покрытия неотложных расходов, оставляя наиболее притягательное свойство подобного рода операции, позволяет предположить, что и в будущих войнах, в особенности в странах, государственное казначейство которых не обладает большими свободными запасами золота, можно ожидать столь же широкого применения в деятельности государственного хозяйства выпуска кредитных билетов с принудительным курсом, какое наблюдалось и в прежние войны». Гулевич считает, что усиленный выпуск бумажных денег обязательно приведет к падению курса, что, параллельно с этим обстоятельством, произойдет исчезновение золотой и серебряной монеты из обращения.

Во избежание потрясения народного хозяйства в первые дни войны от чрезмерного выпуска бумажных денег, когда нельзя достать средств для мобилизации и ведения войны ни займами, ни налогами, Гулевич настойчиво рекомендует образование специального неприкосновенного металлического фонда (Гулевич, 1898, с. 81—89).

Гулевич высчитал, что размер такого неприкосновенного золотого запаса должен в России быть не меньше 110 млн руб. Совершенно ясно, что это только запас для покрытия мобилизационных расходов, да и то не в полном размере. Самому Гулевичу было понятно, что всю совокупность военных расходов покрыть заранее накопленным военным фондом невозможно. Ведь сам он определил, что минимальный размер расходов войны в России в течение шести месяцев будет не меньше полутора миллиардов рублей, что такая сумма может быть покрыта только выпуском бумажных денег (Гулевич, 1898, с. 74—80, 90—92).

В 1910 г. в русской финансовой литературе происходит важное событие — появляется в свет работа М. И. Боголепова «Государственный долг. К теории государственного кредита. Типологический очерк». Сочинение Боголепова было написано под большим влиянием отношения к проблеме покрытия будущих расходов большой европейской войны в немецкой литературе. (Работы Я. Риссера, Цана, И. Пленге, Куммиха, Рудольфа Мартина, Карла Дитцеля и Генриха Дитцеля.) В отличие от немецких многочисленных работ периода 1905—1910 гг. это исследование совершенно по-новому ставило проблему данного вопроса. Четвертая, пятая, шестая главы исследования специально трактуют вопросы финансов войны. М. И. Боголепов углубил и систематизировал имевшийся в литературе материал. Он дал вопросу о финансовой боевой готовности полную четкость и ясность. Его определение финансовой боевой готовности было принято русской финансовой литературой как бесспорное. Определение Боголепова финансовой боевой готовности гласило следующее: «Финансовая боевая готовность состоит в том, что государство имеет возможность без особых затруднений и осложнений, не доводя государственные финансы до явного упадка и не расстраивая хозяйственных отношений, найти сразу огромные средства для мобилизации боевых сил страны и для покрытия военных издержек. Отсюда ясно, что на стороне государственного хозяйства есть только одна возможность найти средства для войны, самые же средства находятся в народном хозяйстве... Следовательно, финансовая боевая готовность должна быть присуща и государственно-му хозяйству, и народному хозяйству. С одной стороны, требуется способность получить добавочные ресурсы, с другой — их дать (Боголепов, 1910, с. 163).

Подчеркнув в своей работе громадное значение для решения вопроса о покрытии военных расходов состояния народного хозяйства, М. И. Боголепов дает подробный анализ отдельных государственных доходов, которые могут сыграть ту или иную роль в финансировании войны. Он подробно останавливается на условиях финансирования войны при помощи выпуска бумажных денег. Он дает блестящий анализ роли упорядоченного обращения и роли центрального эмиссионного банка в момент выпуска бумажных денег. Он пишет: «Страны, которые в своей кредитной политике опираются по преимуществу на иностранные рынки капитала, во время войны будут гарантированы от бумажно-денежных ресурсов настолько, насколько они смогут сохранить при тревожных обстоятельствах или в случае неудач на театре военных действий свою кредитоспособность. Но их положение бесконечно ухудшается, когда иностранные рынки воздержатся от участия в их займах; тогда для таких стран, экономически бедных, останется один ресурс: бумажные деньги с принудительным курсом» (Боголепов, 1910, с. 382—383).

М.И. Боголепов дальше говорит: «Бумажные деньги в условиях современного государства представляют из себя финансово-техническую меру, которая помогает государственной власти, в момент ослабления публичной кредитоспособности, учесть будущие займы и налоги». Отсюда он делает вывод, что «1) заботясь о финансовой боевой готовности, государство должно всегда иметь в полном порядке свою денежную систему; 2) организация денежной системы и ее регулирование должны быть таковы, чтобы они включали в себя все условия для быстрого и наиболее удобного восстановления денежной валюты для ликвидации последствий войны» (Боголепов, 1910, с. 384).

В 1912 г. известный московский банкир В. П. Рябушинский, при участии правых кадетов, стал усиленно пропагандировать идею «Великой России». Защитники великодержавной политики понимали, что достижение их идеалов возможно только при помощи победы в ближайшей мировой войне. Подготовку к такой войне они ставили в число первоочередных задач текущего момента. Во втором томе сборника, посвященного пропаганде идей русского империализма, была напечатана большая работа профессора Л. Н. Яснопольского «Финансы России и их подготовка к войне». Яснопольский принадлежал к числу тех исследователей, которые считали возможным ограничить всю постановку проблемы о финансовой готовности к будущей войне. Он считал нужным самым резким образом отмежеваться от лиц, делающих какие-либо попытки определить будущую стоимость войны. «Более поучительной, — с его точки зрения, — и благодарной задачей является поэтому рассмотрение фактов прошедшего, а не будущего» (Яснопольский, 1911, с. 89). Занимая такую позицию, Л. Н. Яснопольский фактически устранился от высказываний категорического характера по основным вопросам финансирования войны. Он наполнил свою статью подробным анализом условий и методов финансирования расходов Русско-японской войны. Но он все же не мог не высказаться по ряду вопросов финансовой подготовки к будущей войне.

Он доказывает, что действующая в России налоговая система, во всяком случае, не может считаться сколько-нибудь обеспечивающей финансовую готовность страны к войне. Отсутствие эластичности делает, по мнению Яснопольского, действующую систему налогов совершенно непригодной с точки зрения финансовой боевой готовности. Из всех действующих налогов он признает только один налог, могущий делать новые доходы. «Единственным видом исключения является обложение спирта, но и ему несомненно поставлены фактически пределы, гораздо более узкие, чем те, которые давала бы более эластичная финансовая система» (Яснопольский, 1911, с. 101).

Он справедливо указывает на значительную относительную дороговизну военных мероприятий в России. Затрачивая большие средства, царское правительство получало ничтожный эффект. Отсюда возникает большая абсолютная величина военных расходов, покрыть которые налогами будет невозможно. Этим определяется, по мнению Яснопольского и ряда других исследователей этого вопроса, роль государственных налогов. Суммы, получаемые от повышения налогов, могут у нас быть достаточными лишь для покрытия платежей по военным займам. «Преобладание кредита в деле обеспечения военных расходов таит в себе чрезмерно серьезную опасность... Здесь лежит наиболее уязвимая сторона и наиболее грозная опасность для нашей боевой готовности в европейской войне» (Яснопольский, 1911, с. 106). Яснопольский предвидел, что внешние рынки будут вполне или почти закрыты, а внутренний рынок не сможет справиться с теми задачами, которые война ему поставит.

Яснопольский делает совершенно правильное замечание, что во время большой европейской войны придется опираться на внутренний рынок, который «мог бы служить огромным запасным резервуаром для государственного кредита, но в настоящее время эта потенциальная его энергия совершенно не развита и придавлена» (Яснопольский, 1911, с. 111). Остается остановиться на еще одном правильном замечании Яснопольского. Он правильно оценивает накопленный запас золота в Государственном банке. «Только накопление золотого фонда в Государственном банке является, еще со времени денежной реформы Витте, основным на сознательном расчете обеспечением государству последнего крупного ресурса на случай военной крайности» (Яснопольский, 1911, с. 95). Практические предложения Яснопольского неинтересны и в большинстве случаев совершенно не имеют никакой ценности. Например, под флагом укрепления военной финансовой готовности Яснопольский доказывал необходимость акционирования Государственного банка, как будто бы акционерный эмиссионный банк будет серьезным препятствием против бумажно-денежной инфляции в период большой европейской войны.

Специально следует остановиться на взглядах одного из крупных финансистов царской России П. П. Мигулина на финансирование войны. Особый интерес возбуждают его взгляды вследствие того обстоятельства, что экономисты, взгляды на финансирование войны которых только что изложены, не имели непосредственного влияния на царское правительство. Все они были довольно далеки от правительственного аппарата, хотя Блиох был членом Совета Министерства финансов, а Гулевич — офицером Генерального штаба. Мигулин в министерстве Барка был не только назначен членом Совета Министерства финансов, но и, что особенно важно, был инициатором первых мероприятий в области финансов в первые месяцы Первой империалистической войны. Первые законопроекты были им непосредственно проведены.

До войны 1914 г. он дважды подробно высказывал свою точку зрения на финансирование войны. Нужно иметь в виду, что Мигулин был одним из числа немногих русских ученых довоенного времени, открытых сторонников всемерной агрессии. Он с серьезным видом выступал с проектами всевозможных захватов. Он желал присоединить к царской России Персию, захватить Босфор, Монголию, Восточный Туркестан.

Когда вспыхнула Русско-японская война, Мигулин выпустил в марте 1904 г. брошюру под очень заманчивым названием «Записка о финансовой готовности России к войне». В самом начале 1905 г. он же выпустил книгу «Война и наши финансы». Он пытался в этих двух работах теоретически обосновать программу покрытия расходов войны. Через море пустых фраз все же нетрудно увидеть, что его финансовая программа для покрытия Русско-японской войны была проста

и шаблонна. Он считал, что нужно путем займов достать 1300—1500 млн руб., и поэтому самым важным в его программе было увеличение налогов на сумму около 65 млн руб., чтобы иметь деньги на оплату процентов и погашения займов. Налоговая программа Мигулина содержала следующие пункты: небольшой, очень умеренный подоходный налог, предложение которого он сопровождал всякого рода оговорками о ненужности данного налога в условиях России; реформа наследственного налога, налога на переход недвижимых имуществ; небольшие поправки к промысловому налогу; специальное обложение денатурированного спирта и новая система обложения сахара; повышение налога на табак; вывозная пошлина на керосин и увеличение железнодорожных тарифов. В дополнение к этим налоговым мероприятиям Мигулин усиленно агитировал за высокое обложение уезжающих за границу русских туристов. С большим увлечением Мигулин предлагал установить особый налог на всех «тех лиц, которые, будучи обязаны идти на войну, почему-либо освобождены от этой обязанности». Уже в 1904 г. Мигулин ставил вопрос об обложении хлопка. «Не мешает пересмотреть еще и тариф по перевозке среднеазиатского хлопка или, быть может, поднять вопрос о введении специального налога на хлопковые плантации; цены на хлопок сильно выросли последнее время, полученные хлопководы барыши достигают очень солидных размеров, это дань центра окраине, которую не мешало бы, путем правильного применения налогового аппарата, привлечь к облегчению государственных тягостей» (Мигулин, 1904; Мигулин, 1905, с. 154—183).

По существу в этих предположениях 1904—1905 гг. Мигулиным была намечена в основных чертах финансовая программа П. Л. Барка в августе 1914 г.

Необходимо также отметить ряд совершенно правильных замечаний Мигулина. Он указывал, что свободная наличность 1904 г. была создана при помощи займов, специально на случай войны. Он требовал упорядочения постановки операций в Государственном банке, в целях возможного приспособления центрального эмиссионного банка к выполнению задач по финансированию войны. Он был прав, настаивая на освобождении Государственного банка от операций, несвойственных эмиссионному банку. Когда вы читаете соответствующие места у Мигулина о Государственном банке и о роли банка в финансировании войны, вы видите, что он все время имеет перед своими глазами французский банк и его участие в финансировании войны 1870—1871 гг. «Словом, весь вопрос сводится к приведению банка в такое состояние, — писал Мигулин, — чтобы он имел возможность, не приостанавливая размен, прийти на помощь Государственному казначейству при реализации им необходимых займов для целей войны, сберегательным кассам на случай усиленных востребований вкладов, выдачей им ссуд под заклад им процентных бумаг и, наконец, себе самому на случай усиленного востребования его вкладов с текущего счета» (Мигулин, 1904, с. 12).

Второй раз профессор П. П. Мигулин изложил свои взгляды на финансирование будущей войны в 1909 г., когда шли переговоры между Россией, Австро-Венгрией и Германией по поводу аннексии Боснии и Герцеговины. Угроза Германии решительно стать на сторону Австрии заставила царское правительство уступить и признать аннексию. Причиной уступки была полная неподготовленность царской армии к большой войне. Правые политические круги считали это отступление непростительной ошибкой. В числе этой ориентации был и Мигулин. Он напечатал статью «Могущество России финансовое и военно-политическое» в «Экономисте России» (1909. № 7—8), задача которой была доказать, что финансовые средства у царской России для большой войны имеются. Мигулин прежде всего доказывает, что вопрос о финансовом состоянии не является решающим в войне (Мигулин, 1910). Он приводит ряд примеров успешных

войн при наличии плохого состояния финансового хозяйства страны. «Вместо того чтобы вспоминать о средневековых изречениях, лучше вспомнить, как голодная и оборванная армия революционной Франции, *при полном государственном банкротстве*, разбила всю Европу с ее хорошо снаряженными армиями и с упорядоченными финансами, как нищая Россия времен Петра Великого и Екатерины вела победные и завоевательные войны, как та же Россия *без денег* отразила нашествие Наполеона, как на наших днях нищая Япония разбила Россию... Деньги вовсе не играют на войне той роли, как обыкновенно думают. Для войны нужны *вожди, хорошая и большая армия, народное воодушевление, хорошее вооружение армии, снабжение ее продовольствием*» (Мигулин, 1910, с. 325). Дальше Мигулин доказывает, что вооружение в России имеется, так как после Русско-японской войны на него было истрачено почти 2 млрд руб. Сравнивая Россию и Германию, он считал, что положение с продовольствием в России лучше. Переходя далее к чисто финансовым вопросам, он и здесь видит преимущество России перед Германией в двух моментах: во-первых, Россия будет иметь поддержку англо-голландского и французского рынка. Надежды на заключение займов у Мигулина как-то странно переплетаются с расчетом выиграть 200 млн руб. для казначейства при помощи приостановки платежей по внешним займам. Привычка русского населения к мелким купюрам дает, по мнению Мигулина, возможность выпустить значительное количество кредитных билетов, не приостанавливая размен.

После этих, весьма шатких рассуждений Мигулин дает цифровой расчет средств, которые возможно направить на войну. Необходимо дать расчет целиком, чтобы показать, как наивно и примитивно решал вопрос о финансировании предстоящей большой войны один из наиболее осведомленных специалистов царской России, идеями которого, как мы увидим ниже, питалось царское Министерство финансов в первые месяцы Первой империалистической войны.

Мигулин предполагал возможность трехлетней войны. Он строил следующий план (Мигулин, 1910, с. 326—327):

В *первый* год войны:

1. Из сумм, ассигнованных на содержание армии (половину).....	280 млн руб.
2. Сбережение по бюджету (приостановка сооружений и т. п.)	100
3. Из сумм на оплату внешних займов	200
4. Выпуск кредитных билетов (право эмиссии)	350
5. Внешние займы	300
Итого	1230

Во *второй* год войны:

1. Из сумм на содержание армии	300 млн руб.
2. Внутренние займы	200
3. Выпуск мелких билетов, обеспеченных серебром	300
4. Внешние займы	300
5. Бюджетные ресурсы	100
Итого	1200

В *третий* год войны:

1. Выпуск бумажных денег (с приостановкой размена)	600 млн руб.
2. Приостановка платежей по внешним займам	200
3. Бюджетные ресурсы	100
4. Из ассигнований на армию	300
5. Внутренние займы	200
Итого	1400

«Это расчет грубый, в общих чертах, но точного и нельзя сделать наперед», — добавляет Мигулин. От себя добавим, что это расчет не только грубый, но и абсолютно неверный, построенный на заведомо неверных предположениях. Мигулин был сторонником войны и во что бы то ни стало хотел доказать возможность не только войны, но и возможность покрытия ее расходов. Для этого был проделан следующий фокус. Расчет расходов по Русско-японской войне был заведомо преуменьшен. Год расходов Русско-японской войны был объявлен стоющим всего только 1200 млн руб. Эти заведомо преуменьшенные цифры расходов были приняты как возможные цифры расходов России во время войны с Германией и Австрией. Мигулин даже не посчитался с тем обстоятельством, что война с Японией для России носила колониальный характер и что армии против Германии и Австрии будут, по меньшей мере, в четыре раза больше, чем армии, действовавшие против Японии.

Остается остановиться еще на высказываниях трех русских экономистов, трактовавших в своих работах проблему финансовой боевой готовности.

В том же сборнике, где была напечатана статья Яснопольского, была напечатана небольшая статья П. Б. Струве, уже к этому времени обратившегося в ярого проповедника русского империализма. Типично было название статьи — «Экономическая проблема “Великой России”». В этой статье Струве коснулся вопросов военной финансовой готовности. Он пишет: «Европейская война стоила бы нам, без всяких преувеличений, в соответствующий промежуток времени, раза в 4—5 дороже японской. Еще важнее быть может то, что в этой войне мы должны были бы опираться в финансовом отношении на свои наличные хозяйственные силы: внешний кредит был бы нам отрезан или почти отрезан» (Струве, 1911, с. 150). Струве не верил в возможность большой европейской войны без приостановления размена. Выход он видел в дальнейшем росте капиталистического хозяйства в России и в росте внутреннего денежного рынка.

К взглядам Струве был близок и И. И. Левин. В докладе «Проблема финансовой боевой готовности и финансовая боевая готовность России» Левин по всем вопросам занял двойственную позицию. По существу ничего нового он не дал, кроме подчеркивания необходимости усиления забот о внутреннем денежном рынке и о необходимости заранее увеличить эмиссионное право Государственного банка. По последнему вопросу он полагал, что благодаря увеличению эмиссионного права удастся избежать приостановления размена. В этом он уклонялся от немецких писателей этого времени.

В период 1905—1914 гг. в немецкой литературе, занятой вопросами финансовой подготовки к будущей войне, почти не существовало разногласия, что с момента объявления большой европейской войны необходимо приостановить размен банкнот эмиссионных банков. В этом смысле высказался наиболее авторитетный писатель по данным вопросам — Я. Риссер.

Левин, указывая на пример России в Русско-японскую войну, не приостановившей размен, заявляет: «Этой политики следует держаться и в будущем: никаких вне законных и не законных мер даже во время войны» (Левин, 1914, с. 30). Конечно, такой принцип мог быть декларирован при возможности приравнять будущую европейскую войну к Русско-японской войне, что было абсурдно. Таких парадоксальных положений много было в докладе Левина.

На высказывания русских финансистов довоенного времени большое влияние имел опыт английского финансирования расходов во время войны с бурями. Некоторые полагали, что война, даже большого масштаба, может быть в значительной мере покрыта налоговыми поступлениями. Такова была позиция И. Х. Озерова.

Озеров писал, что следует покрывать расходы войны налоговым обложением, неминуемо падающим на более состоятельные группы населения, «которые в настоящее время, как правило, близко стоят к кормилу правления и оказывают сильное влияние на последнее, то тем самым при такой системе покрытий военных расходов у них будет ослабляться военный пыл, который нередко создает желание отвоевывать новые рынки, окружить свою страну ореолом военных успехов» (Озеров, 1910, с. 214—215). Тут же он ослаблял свою позицию, заявляя, что практика может расходиться с теорией.

Источники

Блиох И. С. Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях. СПб., 1898. Т. 4.

Боголепов М. И. Государственный долг. К теории государственного кредита. Типологический очерк. СПб., 1910.

Гулевич А. Война и народное хозяйство. СПб., 1898.

Кауфман И. И. Кредитные билеты, их упадок и восстановление. СПб., 1888.

Левин И. И. Проблема финансовой боевой готовности и финансовая боевая готовность России // Известия Общества финансовых реформ. 1914. № 9.

Мигулин П. П. Могущество России финансовое и военно-политическое // Возрождение России. Экономические этюды и новые проекты. Харьков, 1910.

Мигулин П. П. Война и наши финансы. Харьков, 1905.

Мигулин П. П. Записка о финансовой готовности России к войне. Харьков, 1904.

Озеров И. Х. Основы финансовой науки. М., 1910.

Струве П. Б. Экономическая проблема «Великой России»: Заметки экономиста о войне и народном хозяйстве // Великая Россия: сб. статей по военным и общественным вопросам. М., 1911. Т. 2.

Яснопольский Л. Н. Финансы России и их подготовка к войне // Великая Россия: сб. статей по военным и общественным вопросам. М., 1911. Т. 2.